

Научная статья

УДК 821.161

DOI 10.17223/18137083/80/2

К изучению структуры агиографических фрагментов, содержащих видения (Слово об Исакии Печернике и Житие Александра Свирского) *

Татьяна Ивановна Ковалева

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Аннотация

Рассмотрена структура агиографических фрагментов, включающих контрастирующие по смыслу рассказы о видениях иноков из Слова об Исакии Печернике (Киево-Печерский патерик, XIII в.) и Жития Александра Свирского XVI в. Показано, что вне зависимости от содержания рассказов о видениях фрагменты построены по общей схеме. Ее элементы в совокупности – механизм, осуществляющий движение событий в повествовании, и видение – одно из необходимых функциональных звеньев этого механизма. Все остальные, различающиеся, структурные элементы фрагментов «с видениями» взаимосвязаны с поведением главных героев сочинений и их смысловой организацией.

Ключевые слова

древнерусская агиография, жанр видений, структурный анализ текста, Киево-Печерский патерик, Житие Александра Свирского

Для цитирования

Ковалева Т. И. К изучению структуры агиографических фрагментов, содержащих видения (Слово об Исакии Печернике и Житие Александра Свирского) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 18–26. DOI 10.17223/18137083/80/2

* Елена Константиновна Ромодановская поддерживала своих учеников, когда у них получалось увидеть в тексте что-то новое, интересное. Однажды я делилась с ней идеями по поводу своей диссертации, посвященной исследованию видений в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII–XVII вв. Сообщая на тот момент еще небольшие отрывочные наблюдения, я высказала мысль об общем принципе построения фрагментов «с видениями» вне зависимости от содержания. Елена Константиновна очень живо отреагировала: «А вот это интересно, Вы это напишите». Впоследствии оформившаяся глава об особенностях сюжетосложения видений стала одной из самых объемных частей моей диссертации, которую Елена Константиновна уже, к сожалению, не смогла прочитать. Краткий, но судьбоносный эпизод нашего с ней общения по поводу главы моей работы отражен в этой статье.

© Ковалева Т. И., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 18–26

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 18–26

To the study of the structure of hagiographic fragments containing visions (Kiyev-Pecherskiy Patericon and the Life of Alexander Svirsky)

Tatiana I. Kovaleva

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Abstract

Old Russian stories about visions in the context of writings have a movable structure that cannot be presented in the form of an absolutely stable scheme. However, abstracting from the content and analyzing the construction of a particular event in the narrative allows revealing a general construction scheme of the fragments “with visions”, suggesting a common structural scheme of the structure of any fragment “with visions” in Old Russian literature. To confirm this idea, the paper considers the structure of hagiographic fragments from “The Tale of Isakiy of the Caves” (Kiyev-Pecherskiy Patericon) written in the 13th century and “The Life of Alexander Svirsky” of the 16th century including stories about the visions of monks contrasting in content. In “Patericon Tale,” the title character is faced with the demons in the guise of angels and a demon who has taken on the likeness of Christ. On the contrary, Alexander Svirsky is graced with a vision of angels and the Trinity. Not only are the common structural elements analyzed, but also the differing ones. It is shown that regardless of the content of the stories about visions, the fragments are constructed according to the general scheme. The elements of this scheme together are the mechanism driving the movement of events in the narrative, with vision being one of the necessary functional components. Different elements are interconnected with the behavior of the main characters of the works and their semantic organization.

Keywords

Old Russian hagiography, genre of visions, structural text analysis, Kiyev-Pecherskiy Patericon, the Life of Alexander Svirsky

For citation

Kovaleva T. I. To the study of the structure of hagiographic fragments containing visions (Kiyev-Pecherskiy Patericon and the Life of Alexander Svirsky). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 18–26. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/2

Древнерусские видения, являющиеся частью христианского литературного наследия, – материал достаточно обширный и разнообразный по тематике. По содержанию их можно разделить на две группы. Первая – эсхатологические видения, приоткрывающие тайны загробной жизни. Их исследованию в русской рукописной книжности посвящена монография А. В. Пигина [2006]. Вторая группа – видения, связанные с событиями земного бытия средневекового человека, регламентирующие его духовную жизнь¹.

Кроме того, неоднородны видения и по степени формального выделения в повествовании. На раннем этапе своего существования они встречаются исключительно в составе других жанров средневековой словесности, являясь «существеннейшим элементом агиографии, исторических сочинений, хождений, торжественного и учительного красноречия» [Ромодановская, 2002, с. 296]. В виде

¹ Попытка систематизации видений данной тематики предпринята в нашей статье: [Ковалева, 2019].

отдельных сочинений они начинают появляться в XVI в. (Видение Хутынского пономаря Тарасия, Повесть о видении Антония Галичанина), сосуществуя наряду с видениями, включенными в памятники другой жанровой принадлежности. Апогея жанр видений достигает в XVII в., в эпоху Смуты. Связанные с политическим контекстом данного периода, они, по словам Е. К. Ромодановской, «оттесняют все другие жанры» [Ромодановская, 2002, с. 296]. На этом материале видения как жанр впервые в отечественном литературоведении исследованы Н. И. Прокофьевым. Им описан особый тип героя, свидетель и участник чудесного события, – тайнозритель [Прокофьев, 1967]; структурно-содержательные признаки жанра: 1) молитва или раздумье тайнозрителя, после чего он впадает в «тонок сон»; 2) видение, во время которого чудесные силы, сообщая тайнозрителю откровение, разрешают какой-либо вопрос или призывают к действию; 3) пробуждение и испуг тайнозрителя; 4) постижение тайного смысла откровения; 5) приказание о проповеди откровения среди народа [Прокофьев, 1964, с. 40].

Схема, выявленная Н. И. Прокофьевым на материале ограниченной группы видений, не может претендовать на универсальность, что отмечено и Е. К. Ромодановской [2002, с. 306]. Учитывая широкую распространенность видений в Средневековье, а также разные формы их бытования, она формулирует крупную задачу изучения жанровой специфики видений «на основе всего связанного с ними материала», в том числе, «когда, будучи “малой формой”, они играют лишь вспомогательную роль в больших сочинениях» [Там же, с. 296].

Видения как «малая форма» к исследованиям не привлекались, поэтому нами рассмотрена репрезентативная группа видений, связанных с основанием церкви / монастыря, выявляющихся исключительно в составе повествований [Ковалева, 2017]. Их структурная схема выглядит следующим образом: 1) состояние измененного сознания тайнозрителя (молитва / «тонок сон» / иступление ума); 2) собственно видение; 3) радость / страх тайнозрителя после видения; 4) повиновение воле Высших сил / отказ исполнить повеление. Однако эту схему нельзя назвать абсолютно устойчивой даже в отношении отдельной тематической группы. Единственный ее постоянный элемент – «собственно видение». В нем тайнозрителю является представитель Высших сил и отдает повеление, исполнение которого приводит к созданию церкви / монастыря. Что касается остальных элементов схемы, они варьируются авторами в зависимости от контекста сочинений и при анализе могут быть «прописаны» более детализировано. Однако если абстрагироваться от содержания рассказов о видениях и задаться вопросом, как организовано данное событие в повествовании, то выявляется общая схема построения фрагментов, включающих видения: 1) ситуация, вызвавшая вмешательство Высших сил; 2) видение / несколько видений; 3) основание церкви / монастыря.

Решившись выйти за пределы тематической группы видений, связанных с основанием церкви / монастыря, мы обнаруживаем, что и фрагменты, включающие видения другой тематики, построены аналогично. Это позволяет предположить присутствие в древнерусской словесности общей структурной схемы, организующей построение любого фрагмента «с видениями». Для доказательства этой мысли обратимся к Слову об Исакии Печернике из раннего памятника первой трети XIII в. – Киево-Печерского патерика² и Житию Александра Свирского

² В работе используется текст Киево-Печерского патерика, опубликованный в издании: [Древнерусские патерики..., 1999, с. 7–80]. Далее в круглых скобках указываются страницы этого издания.

XVI в.³ Из этих образцовых в своем роде сочинений для сопоставительного анализа нами выбраны два фрагмента, включающие контрастирующие по содержанию и результатам воздействия на тайнозрителя рассказы о видениях. В патериковом Слове об Исакии Печернике заглавному герою являются бесы в облики ангелов и бес, принявший образ Христа, замучившие затворника до полусмерти; Александр Свирский, напротив, удостоен видения ангелов и Троицы, по велению которой приступил к созданию собственной обители. Далее при анализе обратим внимание не только на общие структурные элементы, но и на различающиеся, постараемся объяснить их наличие в повествовании.

Исакий Печерник – один из первых печерских затворников и первый известный русский юродивый. Посвященное ему Слово, как и другие рассказы Киево-Печерского патерика об иноческих подвигах, принадлежит к особой разновидности агиографических сочинений – патериковому житию. Если житие-биоис (к данной разновидности относится Житие Александра Свирского) – это последовательный рассказ о жизни святого от рождения до преставления, включающий все необходимые с точки зрения канонической житийной схемы эпизоды⁴, то патериковое житие – агиографическое произведение малой формы: «Его составитель... следует принципу избирательности в освещении жизненного подвига героя. В центре повествования оказывается один или несколько эпизодов жизни святого, обычно наиболее яркие, эпически выразительные, остальные известия о нем автор в сжатом виде помещает в начале или в конце патерикового “слова”» [Ольшевская, 1999, с. 245].

Слово об Исакии начинается кратким вступлением о начале подвижнического пути заглавного героя, заканчиваясь таким же кратким сообщением о его преставлении и прославлении иноков Киево-Печерского монастыря. Основную часть составляют два взаимосвязанных смысловых блока, посвященных духовному падению и восстанию инока. Интересующий нас рассказ о том, как Исакий был прельщен бесами, находится в первом.

В Житии Александра Свирского, считающегося единственным русским святым, который удостоился явления Троицы, каждый значимый шаг духовного пути подвижника сопровождается видениями.

Во вступлении и основной части памятника содержатся три видения, одним из которых ознаменован путь будущего инока в Валаамский монастырь Христова Преображения, а благодаря двум другим осуществляется поселение Александра в пустыни. В основную часть сочинения включены еще четыре видения. Два из них составляют главу «О приходѣ святаго аггела къ преподобному», и два – главу «О видении святыя Троица». Эти видения, в отличие от всех остальных маркированные заголовками, имеют особое значение в Житии, являясь неоспоримым свидетельством избранности подвижника в качестве основателя обители.

Сопоставим по эпизодам фрагменты, содержащие видения, из патерикового Слова и Жития Александра, чтобы видеть, в каких местах смысл описываемых событий совпадает, а в каких расходится. Поскольку Житие Александра достаточно пространно и детализировано, эпизоды, не связанные напрямую с основанием монастыря, без ущерба для смысла опускаются.

³ В работе используется текст Жития, опубликованный в издании: [Житие Александра Свирского, 2002, с. 23–105]. Далее в круглых скобках указываются страницы этого издания.

⁴ Структура житий данного типа подробно описана в работе Х. М. Лопарева [1911, с. 13–36].

Интересующие нас события начинаются с того, что оба главных героя принимают постриг. Став монахами, они стремятся к совершению духовных подвигов. Исакий сразу после пострижения беспрепятственно затворяется в пещере и в течение семи лет ведет строгий аскетический образ жизни. Александр, напротив, последовательно проходит разные этапы послушания в монастыре. Преуспев в духовных подвигах, он становится «от всех хвалим и славу имяше». Чтобы избежать славы, он хочет уйти в пустынь. Однако игумен считает, что Александр не готов к подвигу безмолвия, так как иноку не подобает «не утвердивше ногу на корени перваго степени общаго житиа послушаниемъ, верха молчаниемъ и единства касатися, и без времени своевольне водитися» (с. 44). Александр остается в монастыре до явления ему Богородицы. После рассказа о всех своих видениях, «како ему на пути, и како ему в монастыри явленная», Александр получает разрешение от игумена покинуть монастырь, так как тот узрел «внутренними очима, яко благодать Божия бѣ на нем (Александр. – Т. К.)» (с. 46). Живя в пустыни, подвижник достигает такой духовной крепости, что своей молитвой изгоняет бесов с того места, на котором поселился.

Далее в сочинениях следуют рассказы о видениях святых. Они начинаются в момент молитвенного состояния обоих героев. В патериковом рассказе Исакию вечером, когда он «по обычаю... нача кланятися, поя псалмы», являются бесы в образе ангелов, двух «красных» юношей, лица которых «блистастася... акы солнце», предупреждающих: «Вѣ есѣ аггела, се идетъ к тебѣ Христось со аггелъ» (с. 77). Александр, «творя обычные мольбы и моления», сначала дважды видит истинного ангела, а через какое-то время ему явлены еще два видения – Троицы и ангела.

Ключевой момент видений Исакия и Александра – повеление, данное подвижникам представителями потустороннего мира. Исакию бесы велют поклониться главному среди них – бесу, принявшему образ Христа. Основа всех видений Александра – повеление ангелов и самой Троицы построить в указанном свыше месте церковь и основать монастырь. Оба тайнозрителя повинуются воле потусторонних сил. Однако Исакий, «не разумѣв бѣсовскаго дѣйства, ни памети прекреститися», сразу исполнил повеление, попав под власть бесов. По воле так называемого Христа они взяли сопели, гусли и бубны и заставили подвижника плясать. Александр же, напротив, не решается принять на себя роль основателя монастыря, опасаясь бесовских козней. Так, после третьего явления ангела акцентируется эта мысль: «Александръ, любя безмолвие, и сладостно в пустыни хождаше, паче же, стоя на молитвахъ и моляся Богу избавити того всячески от всякия лъсти вражиа» (с. 58). Подвижник исполняет Высшую волю, получив подтверждение истинности повеления из уст самого Всевышнего: «Яко же глаголах убо к тебѣ древле, пакы глаголах ти и нынѣ тождѣ глаголю тебѣ: “Да созиждеша церкви и братию събери, и монастырь съградивъ, и келии постави”» (с. 59).

Затем в обоих рассказах представители потустороннего мира исчезают. Завершает рассказы о видениях описание состояния героев. В патерике – телесного: бесы, «утомивше» подвижника, оставили его «елѣ жива суща». В Житии речь идет о духовной радости инока: «Преподобный же Александръ зѣло возрадовася о сем и прослави всемогущаго Бога» (с. 60).

В патериковом Слове после духовного падения и трехлетнего пребывания Исакия, измученного бесами, в тяжелой болезни начинается его духовное восхождение, он «нача уродствовати», ходя в монастыре. В дальнейшем подвижник обретает такую духовную крепость, что вновь поселяется в пещере, и бесы уже не

победят его. В Житии Александра, как и было предсказано, будущий святой становится духовным наставником многих подвижников и игуменом собственного монастыря.

Переместим внимание на структуру представленных фрагментов. В их построении выявляется *общая схема 1*:

- 1) свершение героем подвига во имя Всевышнего;
- 2) видение / 4 видения (Слово об Исакии Печернике / Житие Александра Свирского);
- 3) исполнение воли представителей иного мира.

При наличии общей схемы фрагменты не просто различаются по содержанию, но и сама логика повествования патерикового Слова противоположна повествовательной логике Жития. Если в Житии Александра представлена картина последовательного духовного возвышения святого, то патериковый герой, являя пример своеволия⁵, опасность которого известна уже в раннюю пору христианского аскетизма, достигает святости через духовное падение. Он представляет собой особый тип святого в агиографии – раскаявшегося грешника, «грешного святого»⁶. Кроме того, анализируемые видения находятся между собой в оппозиции по признаку «истинное видение» – «бесовское наваждение».

Представим сопоставительную таблицу различающихся структурных элементов повествований (табл. 1).

Таблица 1

Фрагменты «с видениями» Исакия Печерника и Александра Свирского
(структурные отличия)

Table 1

Fragments “with visions” of Isakiy Pechernik and Alexander Svirsky
(structural differences)

Киево-Печерский патерик	Житие Александра Свирского
1) самовольный затвор Исакия в пещере для свершения подвига;	1) повиновение Александра запрету игумена на уход из монастыря в пустынь;
2) пребывание Исакия в болезни после видения	2) осуществление Александром после видения замысла Всевышнего

Рассмотрим более подробно структуру самих видений (схема 1, элемент 2). Обратим внимание, что единственному видению патерикового Слова в Житии Александра соответствует группа из четырех связанных по смыслу видений, посвященных непосредственно созданию Свирского монастыря. Четыре видения Александра строятся по *схеме 1*:

- 1) молитвенное обращение Александра к Богу;

⁵ Тема самовольного затворничества, не поощрявшегося во времена игуменства Феодосия и Никона Печерских (см. об этом: [Древнерусские патерики..., 1999, с. 412]), развертывается также в Словах о Никите и Лаврентии Затворниках.

⁶ Сюжет с участием этого героя имеет специфические черты и вписывается в богословскую триаду «грех – покаяние – спасение» (см. об этом: [Климова, 2010, с. 12]).

2) собственно видение: явление ангелов и Троицы (ключевой момент каждого из видений – повеление построить церковь и основать монастырь);

3) исчезновение представителей иного мира;

4) радость святого, прославление Всевышнего (элемент добавлен в двух последних видениях).

В целом видения Александра имеют схожую структуру, поэтому можно говорить о них как о едином целом и сопоставлять структуру видения Исакия с их общей структурой. Видения обоих подвижников, как и сами повествования о них, построены по *схеме 2*:

1) молитвенное состояние тайнозрителя;

2) собственно видение (ключевой момент – повеление представителей иного мира);

3) повиновение тайнозрителя воле потусторонних сил;

4) исчезновение представителей иного мира;

5) духовное / физическое состояние тайнозрителя после видения.

Также в структуре видений выявляется три различающихся элемента, которые можно представить следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Видения Исакия Печерника и Александра Свирского
(структурные отличия)

Table 2

Visions of Isakiy Pechernik and Alexander Svirsky
(structural differences):

Видение Исакия Печерника	Видение Александра Свирского
1) повеление Исакию беса поклониться мнимому Христу;	1) повеление Александру Высших сил воплотить Божий промысел;
2) незамедлительное повиновение Исакия;	2) промедление Александра в исполнении повеления;
3) физические страдания Исакия	3) радость Александра, прославление Всевышнего

Схематично опишем, каким образом в рассмотренных фрагментах «с видениями» осуществляется развертывание событий. В каждом из них одна и та же ситуация (схема 1, элемент 1) развивается по-разному (табл. 1, элементы 1), вызывая вмешательство высших сил. Она служит «завязкой», позволяющей ввести видения в событийную канву сочинений (схема 2).

Сами видения, как и фрагменты, в структуру которых они входят, начинаются с «молитвенного состояния тайнозрителя» (схема 2, элемент 1), затем появляется один или несколько персонажей – представителей иного мира, и с этого момента начинается «собственно видение». В его основе лежит формально схожее действие, осуществляемое этими персонажами (в наших текстах это повеление) (схема 2, элемент 2), но наполненное в каждом из рассказов различным смыслом (табл. 2, элементы 1). Исполнив свою роль, представители потустороннего мира исчезают, завершая тем самым видения. Поскольку очевидцы видений по-разному реагируют на их действия, итог видений для каждого из них также различен (табл. 2, элементы 2, 3). Тем не менее эти отличия характеризуют схожий мо-

мент – «состояние» очевидцев после видений (схема 2, элемент 5). На этом рассказы о видениях в обоих текстах завершаются.

В дальнейшем повествовании результат реакции тайнозрителя на повеление представителей потустороннего мира получает воплощение, в обоих памятниках разнящееся (табл. 1, элементы 2), однако оба повествования завершает общая ситуация (схема 1, элемент 3), когда разрешаются обстоятельства, потребовавшие вмешательства высших сил.

Элементы выявленных нами общих схем в совокупности представляют собой механизм, осуществляющий движение событий в повествовании, и видение – одно из необходимых функциональных звеньев этого механизма. Что касается различающихся элементов, то они взаимосвязаны с поведением главных героев повествований и их смысловой организацией в целом.

Детальный анализ общих и различающихся элементов в структуре агиографических фрагментов, содержащих видения, представляют собой особую тему для исследований.

Список литературы

Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. 496 с.

Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель. СПб., 2002. 216 с.

Климова М. Н. От протопopa Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе. М.: Индрик, 2010. 136 с.

Ковалева Т. И. Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII–XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 21 с.

Ковалева Т. И. Опыт типологии видений в древнерусской агиографии XIII–XVII вв. // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 87–103. DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-87-103

Лопарев Х. М. Византийские жития святых VIII–IX веков // Византийский временник. СПб., 1911. Т. 17, вып. 1–4. С. 1–224.

Ольшевская Л. А. «Прелесть простоты и вымысла...» // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. С. 233–252.

Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 430 с.

Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1964. Т. 231. С. 35–56.

Прокофьев Н. И. Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1967. Т. 256, ч. 1. С. 36–53.

Ромодановская Е. К. Сибирь и литература XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 390 с.

References

Drevnerusskiye pateriki: Kiyev-Pecherskiy paterik. Volokolamskiy paterik. [Old Russian Patericons: Kiyev-Pecherskiy Patericon. Volokolamskiy Patericon]. Moscow, Nauka, 1999, 496 p.

Klimova M. N. *Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: Zhitiya "greshnykh svyatykh" v russkoy literature* [From protopope Avvakum to Fyodor Abramov: Lives of "sinful saints" in Russian Literature]. Moscow, Indrik, 2010, 136 p.

Kovaleva T. I. Opyt tipologii videniy v drevnerusskoy agiografii 13–17 vv. [Experience in the typology of the visions in Old Russian hagiography of the 13th–17th centuries]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2019, iss. 1, pp. 87–103. DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-87-103

Kovaleva T. I. *Videniya v agiograficheskikh pamjatnikah drevnerusskoj literatury 13–17 vv.: Zhanrovaja evolutsija i szuzhetoslozhenie* [Visions in Old Russian hagiographic monuments of the 13th–17th centuries: Genre Evolution and Plot Structure]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2017, 21 p.

Loparev Kh. M. Vizantiyskiye zhitiya svyatykh 8–9 vekov [Byzantine lives of the saints of the 8th–9th centuries]. In: *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine temporary]. St. Petersburg, 1911, vol. 17, iss. 1–4, pp. 1–224.

Ol'shevskaya L. A. "Prelest' prostoty i vymysla..." ["The beauty of simplicity and fiction..."]. In: *Drevnerusskiye pateriki: Kiyev-Pecherskiy paterik. Volokolamskiy paterik* [Old Russian Patericons: Kiyev-Pecherskiy Patericon. Volokolamskiy Patericon]. Moscow, Nauka, 1999, pp. 233–252.

Pigin A. V. *Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoy knizhnosti* [The visions of the otherworld in Russian manuscript booklore]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2006, 430 p.

Prokofiev N. I. Obraz povestvovatelya v zhanre "videniy" literatury Drevney Rusi [The image of the narrator of the "visions" in Old Russian literature]. In: *Uch. zap. Mosk. gos. ped. in-ta im. V. I. Lenina* [Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute]. Moscow, 1967, vol. 256, pt. 1, pp. 36–53.

Prokofiev N. I. Videniye kak zhanr v drevnerusskoy literature [The Vision as a Genre of Old Russian Literature]. In: *Uch. zap. Mosk. gos. ped. in-ta im. V. I. Lenina* [Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin]. Moscow, 1964, vol. 231, pp. 35–56.

Romodanovskaya E. K. *Sibir' i literatura: 17 vek* [Siberia and literature: the 17th century]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 391 p.

Zhitie Aleksandra Svirskogo: Tekst i slovoukazatel' [Life of Alexander Svirsky: Text and word index]. St. Petersburg, 2002, 216 p.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Ковалева, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID L-2832-2018

Information about the author

Tatiana I. Kovaleva, Candidate of Philology
WoS Researcher ID L-2832-2018

Статья поступила в редакцию 17.05.2022;
одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 28.05.2022
The article was submitted 17.05.2022;
approved after reviewing 28.05.2022; accepted for publication 28.05.2022